УДК [348.819.3:343.81:94(47).081/.083](470.319)

МАТВЕЕВА Е.С.

Особенности развития пенитенциарной практики монастырей во 2-й половине XIX – начале XX века (на материалах Орловской епархии)[1]

В статье рассмотрены понятие и особенности развития пенитенциарной системы в России как института, глобально влияющего на политическую, экономическую и духовную сферы жизни общества во 2-й половине XIX – начале XX века. Определена общая экономическая и правовая ситуация в России при использовании монастырей в пенитенциарных целях.

Ключевые слова: светская власть, духовная власть, церковно-судебная система, религиозные правонарушения, церковные наказания.

Рассмотрение особенностей развития пенитенциарной системы в России как института, глобально влияющего на политическую, экономическую и духовную сферы жизни общества, является актуальным и привлекает интерес большого количества исследователей. В историографии данного вопроса на основании принятых нормативных правовых актов некоторые авторы выделяют несколько крупных периодов: I период – дореволюционный (со 2-й половины XVI века до октября 1917 г.); II период – советский (октябрь 1917–1990 гг.); III период – постсоветский (1991 г. – до настоящего времени)[2]. При этом в каждом из периодов можно еще выделить этапы формирования пенитенциарной системы в соответствии со спецификой целей наказания, средств их достижения, системой нормативных правовых актов и т.д.

Первоначально тюрьмы использовались не как места наказания, а как места сохранения преступников до суда[3], но к XVI веку с развитием государства и права в Российском государстве и с изменением целей наказания (устрашение и изоляция преступников) тюремное заключение становится одним из распространенных средств наказания. К XVI веку существовало уже несколько видов тюрем: частные, государственные, монастыри и места заключения, появившиеся в процессе земско-губных преобразований[4], но практика их работы сложилась значительно раньше.

Итак, особое место в системе пенитенциарных учреждений дореволюционной России занимали монастыри, использовавшиеся в качестве мест лишения свободы для наказания и исправления преступников, а также содержания лиц, опасных для государственного порядка. Информация о таких узниках и самих монастырских тюрьмах долгое время была тайной[5]. Религиозные правонарушения или преступления против веры изначально признавались посягательствами на самого Бога и наказывались крайне строго. В силу того, что понятие "пенитенциарный" происходит от латинских терминов "poenitentia" – раскаяние[6] и "poenitentiarius" – обозначающий покаянный и исправительный[7], основная цель содержания в монастырях кроме наказания – достижение раскаяния и исправления лиц.

Церковные наказания были закреплены церковно-судебной властью по отношению ко всем членам Церкви, которые

нарушали церковные правила. На основе византийских традиций и до XX века в истории России монастыри использовались в качестве постоянных тюрем, в которых лица отбывали общие и особенные наказания. Общие наказания присуждались мирянам и духовным лицам за преступления против всех членов Церкви, за нарушение духовных устоев, а особенные назначались только духовным лицам за нарушение духовных устоев и своих должностных инструкций. К церковным наказаниям относились полное или неполное отлучение от Церкви (анафема), а также публичное покаяние, которое с развитием законодательства в XVIII веке трансформировалось в совершение подвигов благочестия, благочестивых упражнений или епитимьи, которые состояли в лишении Церковью некоторых благ и ссылке в монастырь. Самым тяжелым наказанием признавалась смертная казнь, которая могла заменяться и пожизненным лишением свободы. Как свидетельствуют исторические источники, многие приговоры не приводились в исполнение, так как духовенство применяло древний обычай печалования, по которому осужденных освобождали от смертной казни и пожизненно заключали в монастырь[8].

Ссылка в монастырь назначалась в зависимости от тяжести правонарушения на срок от нескольких месяцев до пожизненного содержания без права общения и переписки, именно поэтому и не оставалось каких-либо воспоминаний самих заключенных[9]. Церковные власти, так же как и государственные органы, могли налагать денежное взыскание или назначать телесные наказания, но после реформ Петра I эти правомочия были сокращены.

Монастырские тюрьмы в XVIII–XIX веках входили в пенитенциарную систему России со своими особыми условиями содержания, особым режимом и распорядком, при этом обычно ссылка в монастырь сопровождалась насильственным постригом в монашество. Людей, осужденных к монастырскому заключению, обычно направляли далеко от дома, в малонаселенные места, например в монастыри Европейского Севера, такие как Архангельская епархия, Вологодский край и т.д., отличавшиеся отдаленностью от Центра, строгостью быта, уставным порядком и суровыми условиями существования[10].

Хоть тюремная архитектура и должна была удовлетворять интересам безопасности, надзора, гигиены и тюремного воспитания[11], но это было далеко от действительности. Лишь немногие монастыри в России (например, Николаевский Карельский Архангельской губернии, Соловецкий монастырь, Суздальский Спасо-Евфимиевский монастырь, Вознесенский Иркутский монастырь, Кирилло-Белозерский монастырь, Петербургский Александро-Невский монастырь и др.[12]) выполняли функцию государственной тюрьмы и были оснащены специальными одиночными тюремными кельями, которые служили местом для политической и церковной ссылки. По Орловской губернии встречалась информация, что раскольников заточали в Столбовском Николаевском монастыре Дмитровского уезда[13]. И в самом городе Орле во Введенском женском монастыре содержались “черницы-раскольницы” (монахини) из польского села Вятки. При этом указывалось, что их содержание “…было хлопотным, т.к. они должны были жить в особых келиях, расположенных поблизости от келии настоятельницы, чтобы могли власти и сами монахини за ними наблюдать и всегда видеть их самоперсонально, и из тех келий не выпускать… У этих келий надлежало поставить караул из монастырских служителей или отставных солдат…”. Раскольниц предписано было одевать в мирские платья и давать им пищу “двум персонам одну или полторы порции”, но и это было тяжело для монастыря[14].

Заключение в монастырь долгое время считалось наиболее суровым наказанием, т.к. были очень тяжелые условия содержания, не всегда указывались сроки заточения. Наиболее часто лица без уточнения имен и фамилий направлялись с формулировкой “навечно”, при этом соблюдалась полная изоляция человека и от сторонних светских лиц, и от охраны, и от служителей монастыря. При этом многие авторы отмечали большой процент смертности и помешательств среди заключенных по сравнению со свободным населением[15].

К середине XIX века содержание провинившихся в монастыре было более

демократичным, но все равно накопилось большое количество жалоб в Святейшем Синоде от светских лиц, заключенных ранее в монастыри. Они отмечали, что с поступлением в монастыри люди торговые и поселяне отрываются от своих обычных занятий, а семейные люди – от семей и вследствие этого подвергаются крайнему разорению. Людей направляли на существенные расстояния и в малонаселенные места, например в Архангельскую епархию. Одно прибытие в монастырь и само содержание там было сопряжено с чрезмерными издержками. В этих обстоятельствах не достигалась сама цель содержания в монастырях, так как вместо раскаяния появлялось ожесточение. При этом не предназначенные для тюремного содержания монастыри стеснялись, помещая этих людей и осуществляя надзор за ними, и страдали от соблазнительного их поведения или нераскаянности. На основании этого Канцелярия Святейшего Синода подготовила справку о лицах светского звания, содержавшихся в монастырях. Было выяснено, что общее число светских людей было достаточно значительным (около 1,5 тысячи)[16].

При рассмотрении этих жалоб Святейший Синод предоставил право Епархиальным Начальствам на местах освобождать осужденных людей от длительных переездов с приданием их епитимии на месте жительства под надзором духовных отцов и старцев, которые могли помочь в духовном исправлении падших. С XIX века посредством идей старчества в монастырях продолжилась традиция духовного просвещения и нравственного воспитания православного общества[17]. При этом необходимо отметить, что влияние института старчества и ученого монашества было ощутимо не только в системе церковного судопроизводства, но и в целом в отечественной культуре. В их духовном наставничестве нуждалась и образованная часть российского общества – интеллигенция, которая и создавала светскую культуру[18].

Прохождение епитимии под надзором духовного отца, как отмечалось опытом многих людей, являлось самой действенной мерой, если проводилось негласно и с усердием со стороны духовника, могущего своими наставлениями в духе кротости и христианской любви возбудить осознание греха и искреннее раскаяние. Но к данной мере наказания местные Епархиальные Начальства обращались редко, чаще присуждали только содержание в монастырях. Поэтому Святейший Синод циркулярным Указом от 11 июля 1851 года предписывал Епархиальным Архиереям подробно рассматривать все дела, по которым вследствие их решений люди светского звания содержались в монастырях под епитимиею. Если по такому рассмотрению не представлялось каких-либо особых затруднений, то содержащимся по этим решениям людей можно было обратить к покаянию на месте жительства под надзором духовников, которым предоставлялись соответствующие наставления. О последствиях своих распоряжений Епархиальные Архиереи отчитывались перед Синодом во всех подробностях. О заключенных, содержащихся по решениям светских присутственных мест, необходимо было выяснять, нет ли из их числа таких, которые не оказывают раскаяние. Если такие были, то их должны были передать надзору духовных отцов и уведомить представлением в Святейший Синод. Епархиальные Архиереи при судебных разбирательствах, по которым виновных следовало подвергать церковной епитимии, должны были входить в ближайшее соображение и обращать внимание на положение подсудимых. В содержание монастырей необходимо было назначать тогда, когда это было необходимо или по тяжести преступления, или по доказанной безуспешности покаяния на месте жительства. Преосвященные должны были также не забывать о преподавании приходскому духовенству наставлений о "…нравственном действовании в духе кротости и любви на людей, кои подвергаются епитимии под надзором онаго…"[19].

После этого Указа Святейшего Синода число людей светского звания, содержащихся в монастырях, хотя и стало уменьшаться, но незначительно. Определенные статистические данные о числе лиц светского и духовного звания, находившихся под епитимией, можно проследить по рапортам и отчетам, которые ежегодно составлялись на имя Епархиальных Преосвященных настоятелями монастырей (еще

по Указу от 31 марта 1777 года). По окончании сентябрьской трети (в декабре) составлялись именные ведомости о колодниках и людях, "…присылаемых из разных присутственных местЪ и тайной експедиціи…", с кратким показанием их дел и их виновности для епитимии[20]. Указывались дата поступления лица, его род занятий и срок содержания[21]. Если к декабрю не было лиц, находившихся под епитимией, то могли отчитываться по лицам, которые были в течение года[22].

Итак, по отчетным Ведомостям, представленным в Святейший Синод от Епархиальных Преосвященных за 1864, 1865, 1864 годы, число людей светского звания, которые содержались в монастырях, значилось в следующем количестве: в 1864 году – 266 лиц, в 1865 году – 212 лиц, в 1866 году – 193 лица. При этом необходимо также принять во внимание, что монастырскому заключению кроме людей светского звания подвергаются и духовные лица, а их в монастырях ежегодно фиксировалось около 900 человек. К примеру, с 1855 года по 1859 год включительно духовных лиц мужского пола содержалось в монастырях 4480 человек, из которых более 3300 за нетрезвость, буйство и вообще неблагопристойное поведение. В этот же период лиц женского пола духовного звания содержалось в монастырях только 37 человек.

Монастыри вообще не имели дополнительных средств к содержанию и надзору за арестантами, не было и обустроенных для этого помещений, поэтому содержащиеся там светские лица были "…тяжелым бременем для монастырей"[23]. Но тяжелое положение заключенных или ветхость ограды монастыря не являлись основанием для отмены приговора и освобождения преступников, а также замены монастырского заключения тюремным или же другим наказанием. Все это относилось к строгому порядку исполнения судебных решений по статьям 1549, 1585 и 1594 Уложения о наказаниях, в которых определялись род и вид наказания за конкретные преступления. Если в монастырях не было удобных помещений, то Епархиальным Начальством это обстоятельство должно было постепенно изменяться. При этом нахождение арестантов на скотном дворе также не могло быть признано правильным и согласным с существующим в этот период законодательством[24]. Поэтому в конкретных частных случаях могли быть изменения в общих правилах, о которых необходимо вовремя сообщать. Например, о "… неимении помещения в местных той епархии монастырях" необходимо было сообщать Епархиальным Начальствам, которые могли арестантов, проживающих в одной губернии, перевести в другой монастырь (более удобный для содержания), принадлежавший к той же или другой губернии или епархии. При этом по сведениям, представляемым в Святейший Синод и в Министерство внутренних дел, не было ни одного примера, когда арестант, проживающий в одной губернии, подлежал заключению в монастыре какой-либо другой губернии[25].

По изданному в 1866 году Уложению о Наказаниях прослеживались те же нормы, что и в ранее изданных источниках 1845 и 1857 годов, по которым заключение в монастырь определялось за следующие преступления:

1. Дети от 10 до 14 лет (а по закону от 2 июня 1897 г. возраст несовершеннолетних увеличился с 10 до 17 лет[26]), совершившие преступления с разумением, вместо ссылки в Сибирь на поселение и вместо ссылки на житье в Сибирь или другие отдаленные губернии, вместо отдачи в исправительные арестантские роты или в рабочие дома присуждались к заключению в монастыре, если в этих местах были монастыри, на время от 3 лет 4 месяцев до 5 лет и 4 месяцев или от срока дней до 8 месяцев (ст. 138). При этом каждая епархия утверждала список монастырей, которые принимали несовершеннолетних преступников.

2. Незамужняя женщина, согласившаяся на свое похищение для вступления в брак, также подвергается заключению в монастыре от 4 до 8 месяцев, если в пределах Империи находятся обители того вероисповедания, к которым она принадлежит (ст. 1540).

3. Заключению в монастырь подвергаются также люди, находящиеся в браке и замеченные в прелюбодеянии. "По жалобе оскорбленного в чести своей супруги" лицо заключалось в монастырь его

исповедания или же в тюрьму на время от четырех до восьми месяцев (ст. 1585)[27].

4. За кровосмешение в прямой восходящей или нисходящей линии виновных приговаривают к лишению всех прав состояния и к ссылке в отдаленные места Сибири для заключения там вместо поселения, в тюрьме в уединении на 6 лет 8 месяцев, а по истечении этого срока они отдаются в монастырь на всю жизнь для употребления на тяжких работах (ст. 1593). За кровосмешение с родственником или родственницей в боковой линии, во второй степени родства, виновные присуждаются к лишению всех прав состояния и ссылке в Сибирь для заключения там в тюрьме на срок 3 года 4 месяца. По истечении этого срока они отдаются в монастырь на всю жизнь для употребления на тяжких работах (ст. 1594).

5. Виновные в кровосмешении четвертой степени родства подвергаются заключению в монастыре на время от 4 до 8 месяцев (ст. 1594).

6. Виновных в прелюбодеянии в таких степенях родства или свойства, в которых по церковным правилам не запрещалось вступать в брак, подвергали заключению в монастыре на 8 месяцев, если в том месте находятся монастыри их вероисповедания (ст.1597).

Другие преступления, кроме вышеозначенных, за которые полагалось заключение в монастырь, в законе не указывались. Существовали в Уставе Духовных Консисторий некоторые узаконения о монастырском заключении, но они касались людей собственно духовного звания[28].

Во 2-й половине XIX века существовало также значительное число правонарушений, за которые полагались церковное покаяние или отсылка виновных к Духовному Начальству для увещания и вразумления. Церковное покаяние в некоторых случаях присоединялось к уголовным и исправительным наказаниям (Уложение о Наказаниях, ст. 58), а в некоторых случаях назначалось в виде особой меры для очищения совести без соединения с уголовным или исправительным наказанием. К преступлениям, за которые в законах полагалось церковное покаяние или отсылка к Духовному Начальству, относятся, например[29]:

· отступление от Православной веры в веру нехристианскую (Уложение, ст. 185);

· отступление от Православной веры в иное христианское вероисповедание (Уложение, ст. 188);

· неисполнение Уставов Церкви новообращенными в Православную веру (ст. 207);

· уклонение от исповеди и причащения Святых Таинств лиц православного исповедания (Уложение, ст. 208 и Устав Представленных Преступлений, ст. 27);

· противозаконное сожитие женатого с незамужней (Уложение, ст. 994);

· убийство в драке (Уложение, ст. 1465);

· нечаянное убийство (Уложение, ст. 1466);

· покушение на самоубийство (Уложение, ст. 1473);

· жестокое отношение мужа с женой или жены с мужем (ст. 1583);

· принуждение родителями православного вероисповедания детей к браку или к пострижению в монашество (Уложение, ст. 1586);

· любодеяние в таких степенях родства или свойствах, в которых по церковным правилам не воспрещено вступать в брак (ст. 1597);

· совращение православных в раскол (Устав Пред. Прест., ст. 75 по продолжению 1864 года).

О том, каким образом должно было проходить церковное покаяние во 2-й половине XIX – начале XX века и как должно было производиться увещание посредством духовных лиц, в церковных законах нет определенных постановлений. Поэтому нередко случалось, что за известное преступление в одной епархии церковное покаяние производилось на месте проживания в церкви прихода, а в другой епархии преданный за то же преступление церковному покаянию заключался в монастырь.

В светском законодательстве по этому предмету имелись следующие правила[30]:

· над православными в случае совращения в раскол происходило по усмотрению Духовного Начальства назидание и увещание об истинной вере через местных священников, миссионеров или других лиц, назначаемых Епархиальным Начальством. Эти назидания и увещания производятся над совращенными без отвлечения их от места их жительства и от

обыкновенных их трудов и занятий (Устав Пред. Прест., ст. 75 по продолжению 1864 года);

· над православными, которые, несмотря на убеждения священников, 2–3 года не были на исповеди у Святого Причастия. О таких лицах доносилось отдельно Епархиальному Архиерею, после чего он через приходского священника, через других доверенных духовных лиц или сам, несмотря на обстоятельства и по местной удобности, осуществляли вразумление лица и мерами убеждения старались возвратить к христианскому долгу, с возложением епитимии по своему усмотрению, на основании церковных правил. Таким же образом поступали с теми, о которых по делам присутственных узнавали об отсутствии их у исповеди и Святого Причастия, но с той разницей, что в этом последнем случае епитимия должна быть публичная в приходской церкви или в монастыре. Публичная епитимия налагалась также без отлучения от должности и на месте проживания. Кто не вразумлялся увещаниями, не осуществлял раскаяние и так и не исполнял христианского долга, об этом сообщали гражданскому начальству на его рассмотрение (Устав Пред. Прест., ст. 27);

· виды и сроки церковного покаяния определялись местным Духовным Начальством. Ссылаемых в Сибирь на поселение и житье, если они с тем вместе приговорены к церковному покаянию, предают одному в месте ссылки на срок, назначаемый местным Епархиальным Начальством (Уложение о Наказаниях, примечание к ст. 58).

Из вышеизложенных указаний о преступлениях, за которые в законе предусмотрено монастырское заключение и полагается также церковное покаяние или духовное увещание и назидание, необходимо отметить, что, по статистическим данным, преступлений первого рода было гораздо меньше. Но между тем, по сведениям Святейшего Синода о людях светского звания, заключенных в монастыри, оказывается, что большая часть этих людей содержится в монастырях за такие преступления, за которые в законах полагается не заключение в монастырь, а только лишь церковное покаяние или назидание и увещание через духовных лиц. Так, например, по отчетным Ведомостям 1865 года по России о людях светского звания, которые содержались в монастырях: их общее число – 212 человек. Из них только 63 человека были заключены за те преступления, за которые по Уложению о Наказаниях полагается заключение в монастырь, а именно: 29 малолетних за разные преступления и 34 лица за прелюбодеяние и кровосмешение. Из остальных 149 лиц 15 человек содержались в монастырях по особым Высочайшим повелениям и 2 лица – согласно циркулярному указу Святейшего Синода от 11 июля 1851 года за неисполнение епитимии. 132 лица, показанные в Ведомостях, хоть и содержались в монастырях, но за такие преступления, за которые по закону не полагалось монастырского заключения, притом 17 человек из них содержались за уклонение в раскол, тогда как по силе статьи 75 Устава Пред. Прест. (по продолжению 1864 года) увещания над совращенными в раскол должны производиться на месте их жительства, без отвлечения от основных их трудов и занятий. 6 человек были заключены в монастыри вопреки статье 27 Устава Пред. Прест. за небытие у исповеди и Святого Причастия. По Ведомостям за 1864 и 1866 годы, также значится большое число людей светского звания, содержащихся в монастырях не за те преступления, за которые в законах полагается монастырское заключение, а именно: из 266 лиц, содержавшихся в монастырях в 1864 году, только 85 человек были заключены за те преступления, за которые по законам полагается монастырское содержание, а из 193 лиц, находившихся в монастырском заключении в 1866 году, только 55 лиц показаны содержавшимися за те преступления, за которые в законах поставлено заключать в монастырь.

Таким образом, в силу тесных взаимоотношений между государством и Церковью в России государство считало обязанным помогать Церкви в достижении ее целей своим судом и наказанием за религиозные преступления[31]. История пенитенциарных учреждений в России тесно связана с нормативно-правовой базой Церкви и российской церковно-судебной системой, а также с развитием общественного движения в культурной и политической областях. На основании

того, что во 2-й половине XIX – начале XX века монастыри, вопреки их назначению, были обременены множеством заключенных лиц духовного и светского звания и что из числа последних значительно большая часть содержится за те преступления, за которые по законам полагалось не заключение в монастырь, но церковное покаяние или отсылка к духовному начальству для увещания и вразумления, Святейший Синод назначал прохождение епитимии под надзором духовного отца, т.к. это мера самая действенная и предоставляет большое облегчение монастырям, а сами освобожденные были поставлены в положение, в котором вернее может быть возбуждено в них сознание греха и искреннее раскаяние. При этом Святейший Синод признавал необходимым освободить всех светских лиц, которые на основании законов уже подлежали заключению в монастырях. Предписывалось их по возможности перевести под епитимию на местах их жительства, кроме тех лиц, по отношению к которым прохождение епитимии на месте окажется безуспешным[32].

---

[1] Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 14-11-57002

[2] См.: Оганесян С.М. Пенитенциарная система государства. (Историко-теоретический и правовой анализ): Дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. СПб., 2005. 554 с.

[3] Гогель С.К. Вопросы уголовного права, процесса и тюрьмоведения. Собрание исследований. СПб.: Типография товарищества "Общественная польза", 1906. С. 487.

[4] Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVIII вв. М.: Юрист, 1995. С. 235–236.

[5] Пругавин А.С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством. (К вопросу о веротерпимости). М.: "Посредник", Серия "Для интеллигентных читателей", 1905. С. 5.

[6] Новейший словарь иностранных слов и выражений. Мн.: Харвест, М.: ООО "Издательство АСТ", 2001. С. 616.

[7] Большой толковый словарь русского языка / Составитель и главный редактор С.А. Кузнецов. СПб.: "Норинт", 2000. С. 790.

[8] Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995. С. 358.

[9] Пругавин А.С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством. (К вопросу о веротерпимости). М.: "Посредник", Серия "Для интеллигентных читателей", 1905. С. 7.

[10] Павлушков А.Р. Петитенциарная практика монастырей Вологды в дореволюционный период // http://www.booksite.ru

[11] Фойницкий И.Я. Ученіе о наказаніи въ связи съ тюрьмовѣдѣніемъ. С.-ПетербургЪ: Типографія Министерства путей сообщения (А. Бенке), 1889. С. 424.

[12] Пругавин А.С. Монастырские тюрьмы // Право. 1903. № 7. С. 440.

[13] Населенные пункты Брянского края. Энциклопедический словарь. Изд. 2-е, дополненное и исправленное. Брянск: Десяточка, 2012. С. 401.

[14] Летопись Орловского Введенского монастыря. Орел: Орловский Введенский монастырь, 2013. С. 20.

[15] См.: Тальберг Д. Тюремная литература или Тюрьмовѣдѣніе: Сочинение. М.: Университетская типография (М. КатковЪ), 1876. С. 58.

[16] Преосвященному Макарию, Епископу Орловскому и Севскому "Об освобождении из монастырей лиц светского звания и о предании их епитимии на месте жительства" от 18 марта 1868 года // Государственный архив Орловской области. Ф. 220. Оп. 1. Д. 94. Л. 102.

[17] Корнев В.А. Фактор православия в развитии русской культуры // История государства и права. 2011. № 24. С. 8–11.

[18] Зубанова С.Г. Влияние Русской православной церкви на развитие культуры российского общества в XIX в. // История государства и права. 2009. № 14. С. 1–22.

[19] Преосвященному Макарию, Епископу Орловскому и Севскому "Об освобождении из монастырей лиц светского звания и о предании их епитимии на месте жительства" от 18 марта 1868 года // Государственный архив Орловской области. Ф. 220. Оп. 1. Д. 94. Л. 102.

[20] См., например: Покорнейший рапорт № 161 Великому Господину Преосвященнейшему Досифею Епископу Орловскому и Севскому и Ордена Святой Анны 1-го класса и Кавалеру из Богородицкой Площанской пустыни от Строителя Игумена Серапіона от 29 декабря 1800 года // Государственный архив Орловской области. Ф. 220. Оп. 1. Д. 39. Л. 2.

[21] Ведомость в Духовную Консисторию из Мценского Петропавловского монастыря от 1800 года // Государственный архив Орловской области. Ф. 220. Оп. 1. Д. 39. Л. 18-19.

[22] См. например: Рапорт № 116 в Орловскую Духовную Консисторию из Брянского Петропавловского Монастыря архимандрита Еліазара // Государственный архив Орловской области. Ф. 220. Оп. 1. Д. 39. Л. 5.

[23] Преосвященному Макарию, Епископу Орловскому и Севскому "Об освобождении из монастырей лиц светского звания и о предании их епитимии на месте жительства" от

18 марта 1868 года // Государственный Архив Орловской Области. Ф. 220. Оп. 1. Д. 94. Л. 102 оборот.

[24] Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода Преосвященному Макарию, Епископу Орловскому и Севскому "По делу об освобождении женских монастырей от заключения в них преступниц, присуждаемых к монастырскому заключению светскими судебными местами" от 30 июля 1868 года // Государственный Архив Орловской Области. Ф. 220. Оп. 1. Д. 94. Л. 240.

[25] Указ Его Императорского Величества, Самодержца Всероссийского, из Святейшего Правительствующего Синода Преосвященному Макарию, Епископу Орловскому и Севскому "По делу об освобождении женских монастырей от заключения в них преступниц, присуждаемых к монастырскому заключению светскими судебными местами" от 30 июля 1868 года // Государственный Архив Орловской Области. Ф. 220. Оп. 1. Д. 94. Л. 240.

[26] Дубоносова А.Э. Из истории перевоспитания несовершеннолетних преступников Новгородскими монастырями (XIX – начало XX века) // История государства и права. 2010. № 5. С. 37–39.

[27] Решетов Г.А. Законодательное регулирование брачно-семейных отношений в вооруженных силах Российской империи (краткий очерк) // Военно-юридический журнал. 2011. №12. С. 28–32.

[28] См.: Устав Духовных Консисторій от 27 марта 1841 года (с формами). СПб.: Синодальная Типография, 1843. 190 с.

[29] Преосвященному Макарию, Епископу Орловскому и Севскому "Об освобождении из монастырей лиц светского звания и о предании их епитимии на месте жительства" от 18 марта 1868 года // Государственный Архив Орловской Области. Ф. 220. Оп. 1. Д. 94. Л. 102 об.

[30] Преосвященному Макарию, Епископу Орловскому и Севскому "Об освобождении из монастырей лиц светского звания и о предании их епитимии на месте жительства" от 18 марта 1868 года // Государственный Архив Орловской Области. Ф. 220. Оп. 1. Д. 94. Л. 103.

[31] Бердников И.С. Церковь и Империя. История Православной симфонии отношений. М.: Издательство "ФИВ", 2013. С. 204.

[32] Преосвященному Макарию, Епископу Орловскому и Севскому "Об освобождении из монастырей лиц светского звания и о предании их епитимии на месте жительства" от 18 марта 1868 года // Государственный Архив Орловской Области. Ф. 220. Оп. 1. Д. 94. Л. 103 об.